

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ И ПОПЫТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

Р. В. Савенков, А. И. Шушлебин

Савенков Роман Васильевич

Эл. почта: rvsaven@gmail.com. ORCID 0000-0002-1643-2444

Шушлебин Андрей Игоревич

Эл. почта: duck2000@mail.ru. ORCID 0009-0008-5488-6878

Воронежский государственный университет, Университетская пл. 1, Воронеж, 394006, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению различных практик конфликтного взаимодействия акторов политической борьбы. Основная цель заключается в концептуальном разграничении понятий «публичное оспаривание», «политический протест», «государственный переворот», а также проверке наличия связи между этими феноменами на основе доступных статистических данных. Обосновывается технологическое сближение данных явлений в современной публичной политике некоторых политических систем, что затрудняет использование привычных критериев для определения переворота. Подтверждается значимость ценностей самовыражения, стремления населения к вовлечению в процесс принятия политических решений, что становится фактором усиления вовлеченности граждан в политику. В таких условиях переворот перестает быть исключительно инструментом внутриэлитной борьбы и может приобрести публичный характер в условиях массового политического действия. Используется понятие гибридного переворота для интерпретации попыток государственных переворотов, сопровождающихся протестными акциями. Для проверки наличия связи между событиями политического протеста и попытками государственных переворотов проведен анализ эмпирических данных. Он показал значительную корреляцию между этими явлениями. Гибридные перевороты характеризуются большим показателем успешности, чем классические элитарные. Протестная мобилизация часто включена в технологический пакет современного государственного переворота. При этом массовое политическое действие сторонников режима повышает шансы на его выживание в условиях попытки гибридного переворота. Значимым фактором является характер политического режима. Авторитарные и гибридные режимы сохраняют уязвимость перед классическими и гибридными переворотами.

Ключевые слова: государственный переворот, политическое оспаривание, протест, политические конфликты, цветные революции.

Введение

Органической чертой политического процесса является противоречие между государством и обществом, проявляющееся в конкуренции и конфликтной активности акторов, использующих для достижения своих политических целей имеющиеся институты как ресурсы, а также создающие новые ресурсы благодаря открывающимся возможностям. Способы достижения поставленных целей обычно классифицируют на мирные или насильственные, институционализованные и неинституционализованные, конвенциональные (приемлемые в глазах общества) или неконвенциональные (экстремистские). Большинство проблем в организации социальной жизни произрастает из отношений государства и общества, которые чаще склоняются к конфликтным коммуникациям. Сама «природа власти порождает структурный конфликт государства и общества, изменяющий

лишь свои исторические формы и признающий временным победителем либо гражданскую, либо государственную сторону» (Соловьев, 2018). Общепринято считать, что субстанциональной чертой политики является конфликт. Согласно одной из многих дефиниций, конфликт представляет собой «теоретическую и практическую борьбу субъектов политики: доверенных лиц больших социальных групп, мобилизованных посредством номинации, за власть с целью модифицировать, трансформировать или сохранить социальный порядок» (Глухова, 2010). По мнению Ч. Тилли (2010), большую часть всех политических взаимодействий составляет рутинная неконфликтная политика: сбор налогов, распространение политической информации и государственных благ, организационная деятельность входящих в режим агентов. Поскольку конфликтная и неконфликтная политики накладываются друг на друга, отношения между гражданами и агентами власти охватывают все взаимодействия между подданными определенного государства и его официальными агентами. Другими словами, политический конфликт включает в себя как действие, так и дискурс, борьбу и переговоры.

Конфликтные взаимодействия между государством и обществом проявляются в виде публичных действий социальных движений, протестных акций, участия в выборах политической оппозиции. Совсем иной характер имеет латентная внутриэлитная борьба, крайним проявлением которой является государственный переворот. Термин «государственный переворот» широко используется в политическом дискурсе и публицистике, однако в политической науке не сложилось единого понимания этого феномена.

Цель исследования — провести концептуальное разграничение между понятиями «публичное оспаривание», «политический протест», «государственный переворот», а также проверить наличие связи между этими феноменами на основе доступных статистических данных. Выделенные способы взаимодействия образуют условный спектр от конструктивных, мирных, конвенциональных (публичное оспаривание) взаимодействий политических субъектов к насильственным, неконвенциональным (государственный, публичный переворот), промежуточным видом между которыми является политический протест.

Понятия

Публичное оспаривание (public contestation) — это формы индивидуальной или коллективной политической активности, направленные на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели политических субъектов, в том числе путем внесения дополнений или альтернативных проектов. К публичному оспариванию мы относим конвенциональные, нацеленные на конструктивное использование потенциала конкуренции действия участников политического процесса, не ориентированные на устранение своего политического противника за рамки политического поля, и готовых к диалогу с ним. В категорию «публичное оспаривание» не включаются агрессивные неконвенциональные формы сопротивления и протеста — деструктивные действия, блокирующие коммуникацию и мирную конкуренцию, ведущую к урегулированию конфликта (Савенков, 2021).

В работах Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама (2001) сформировано собственное понимание феномена «оспаривание» (contention), в котором политическое участие и действие включены в концепцию «согласительной (конфликтной) политики» (contentious politics). «Конфликтная политика» наблюдается тогда,

когда обычные граждане предъявляют требования к власти, проводят публичные акции, применяя известные формы коллективного действия и придумывая новые, формируя альянсы с влиятельными политическими акторами, опираясь на существующие возможности политико-правового режима и создавая новые, комбинируя институциональные и неинституциональные способы выдвижения своих требований. Конфликтная политика наблюдается в точке переплетения трех сфер социальной жизни: конкуренции, коллективного действия и политики (Tilly, Tarrow, 2015). Ч. Тилли (2010) подчеркивает конфликтный характер таких действий: преодоление сопротивления власти предрешающих, борьбу масс — всё это способствует развитию демократии.

Названные американские политологи к публичному оспариванию относят такие нерутинизированные виды политической борьбы, как революции, социальные и националистические движения, индустриальные конфликты, войны, действия групп интересов. В категорию состязательной политики не входят рутинизированные политические действия: избирательные кампании, заседания парламента, принятие законов, административный процесс и т.п., хотя эти события могут стать её ускорителем (McAdam, Tarrow, Tilly, 2004). Разработанная

Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдамом концепция политики послужила концептуальным фундаментом для исследования конкретных кейсов (например, Bloom, 2014), но не стала популярной.

Условно конвенциональным видом политического действия считается «сопротивление» (resistance), предполагающее как эмоциональную, так и рациональную активность. В науке различают три вида сопротивления: непубличное сопротивление (отказ от соблюдения законов или распоряжений власти); гражданское неповиновение; активное сопротивление (противозаконные действия и применение насилия по отношению к носителям государственной власти — подрывная деятельность, экстремизм и терроризм) (Массовая политика, 2016). К публичному оспариванию относится гражданское неповиновение (civil disobedience), так как такой вид политического действия не предполагает нанесение вреда своему оппоненту, включает публичную защиту собственного проекта, даже если проект предполагает возврат к существующему ранее состоянию. Гражданское неповиновение рассматривается как одно из средств влияния рядовых граждан на лиц, принимающих решения, и «предполагает совершение незаконных акций, обычно коллективных, публичных, принципиальных и символических по своему характеру, использующих преимущественно ненасильственные методы протеста и обращенных к разуму и чувству справедливости населения» (Коэн, Арато, 2003).

Прямой перевод термина «протест» с латинского языка означает «изъявлять, открыто заявлять», что предполагает относительно открытую реакцию на ситуацию в обществе. Для большинства исследователей протест — это форма участия населения в политической жизни общества, выражающаяся в различных акциях, направленных на оспаривание и конфронтацию (Массовая политика, 2016). Как указывает А. Соколов (2019), «социальный протест — это специфическая форма социального действия субъектов общественной жизни, направленная на изменение процессов, явлений и отношений, которые оцениваются ими как неприемлемые». Протестное поведение рассматривается как реакция граждан на различные формы нарушения их социальных прав, является симптомом несовершенства социально-экономической политики, недовольства государственной политикой (Очкина, 2016).

Политический протест — это «определенная форма выражения несогласия, сопротивления, неприятия реализуемого политического курса, т.е. то, что чаще всего выражается определенной акцией, действием, поступком протестного характера» (Поздняков, 2002). Он включает в себя негативную публичную реакцию индивидов и групп на решения и действия власти, однозначно сигнализирующую об их несогласии и оспаривании. Наиболее полное определение понятия «политический протест» дал

М. Сабитов (2013), который рассматривает его как «совокупность активных или пассивных политических практик индивидуальных или коллективных субъектов в форме конвенциональной или неконвенциональной сигнализации недовольства по отношению к политической системе или отдельным аспектам существующего политического порядка в обществе». Протест предполагает восприятие ситуации гражданами и властью как конфликтной и фиксирует её манифестацией — наблюдаемыми публичными действиями граждан. Право публично выражать свое мнение, несогласие закреплено в нормативно-правовых актах большинства демократических стран мира.

В политической науке не сложилось единого понимания феномена «государственный переворот». В зарубежной литературе наиболее распространено определение переворота, предложенное Д. Пауэллом и К. Тайном (2011): незаконные и явные попытки военных и других элит в государственном аппарате свергнуть действующую исполнительную власть. Исследователи формулируют определение, исходя из трех критериев: цель, акторы и тактика. Российский исследователь Д. Банкович (2008) выделяет характерные черты переворота: осуществление по четкому плану, невысокое политическое участие масс, организация внутри элит, отсутствие серьезных социальных преобразований после переворота. В. Перевозчиков (2018) под «публичным переворотом» понимает комплекс политтехнологических приемов и методов по замене одной правящей группы другой.

В исследовании для атрибуции тех или иных событий в качестве переворотов используется следующее определение: невозможность диалога между конфликтующими сторонами, замена ключевых лиц, принимающих политические решения, осуществленная с нарушением политических процедур и правовых норм путем захвата внутриполитическими акторами контроля над объектами, значимыми для функционирования политической системы. Представляется методологически обоснованным отказ от концепции исключительно элитарного характера переворота.

В современных условиях протестующее население, вооруженные нелегальные формирования также участвуют в попытках свержения правительства. Также в определении содержится отсылка к технологическому аспекту переворотов: предполагается захват объектов, имеющих инструментальное или символическое значение для политической системы. В этом контексте штурм правительственного здания или инфраструктурного объекта рассматривается как метод переворота.

Государственный переворот может легитимироваться массовым политическим действием, но в любом случае нарушает конституционно-правовые нормы. Спровоцированная угрозой насилия, массового неконвенционального действия граждан отставка правительства или бегство из страны политического лидера также будет являться государственным переворотом как результат незаконных действий. В российских исследованиях государственный переворот с актив-

ным протестным участием населения получил название «цветная революция» и рассматривается как «технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием молодежного протестного движения» (Карпович, Манойло, 2017). В западных исследованиях (например, McFaul, 2005) данные феномены называют «электоральными» или «демократизирующими революциями», подчеркивая требования граждан провести свободные и справедливые выборы, сформировать новые демократические правительства (Цветкова, 2019).

Трудности концептуализации государственного переворота связаны с трансформацией технологий его осуществления. Для второй половины XX в. были характерны военные перевороты, организованные элитами при отсутствии участия других неэлитарных акторов (Levitsky, Ziblatt, 2018). Такие перевороты стали в определенном смысле классическими. Развивающиеся структуры гражданского общества и новые технологии смены режимов придали переворотам гибридный, публичный характер. Одним из атрибутов стало массовое политическое действие, а государственный переворот перестает быть делом только элиты.

Фактор массовых ценностей

Каждая историческая эпоха демонстрирует специфический тип взаимодействия власти и общества. Современные макросоциальные и макроэкономические процессы вызвали глубокие общественные трансформации, затронувшие структурные (институциональные и социокультурные) основания мира. Индустриальная эпоха закрепила статус граждан как участников процессов выработки политических решений, а демократические институты стали механизмами использования гражданского потенциала в управлении.

Как указывает Р. Инглхарт (2018), резкий рост экономической и физической безопасности после Второй мировой войны привел к «глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей: произошел знаменитый сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, от ценностей выживания к ценностям самовыражения». Современные исследования фиксируют относительно сильное воздействие ценности самовыражения на институты политической системы, появление и распространение которых вызывается в первую очередь социально-экономическим развитием (Инглхарт, Вельцель, 2011). На основе лонгитюдных социологических замеров К. Вельцель (2018) фиксирует глобальное стремление обывателей к свободе: «...желание обрести свободу ещё никогда не высказывалось так мощно, так часто и в столь многочисленных местах, как сегодня, причем как в демократических странах, так и за их пределами».

Усиление ценностей самовыражения в конкурентных и неконкурентных режимах вынуждают власти более отзывчиво реагировать на предпочтения масс, а политика становится всё меньше похожа на игры элит, которые вспоминают о народе только в период выборов (Инглхарт, Вельцель, 2011). По мере усиления эмансипативных ценностей активизируются движения за равные права, которые продвигают антидискриминационные нормы, формируют из них базовые стандарты оценки действий власти. Публичное давление общественных движе-

ний на бюрократический аппарат ограничивает власть чиновников над людьми. Несмотря на существенное мировое неравенство, увеличение власти простых людей является общей чертой всех сообществ. В глобальном масштабе расширяются требования к власти публично уважать чувство достоинства и идентичности самых разных групп (Фукуяма, 2019).

Ценности самоактуализации, большая вовлеченность в политические дискуссии вызвали масштабные разоблачения коррупционной деятельности правящего класса, усиленные доминированием медиаполитики и политики скандала в управлении государственными делами. В результате действия этих факторов большинство граждан в мире теряют доверие к своим правительствам и парламентам, к политикам, уверены, что правительства не представляют волю народа (например, Рейбрук, 2018). В то же время, по авторитетному мнению М. Кастельса (2020), нарастание недовольства по отношению к политическим партиям и политическим институтам не меняет субстанциональной ценности демократии, не приводит к категоричному отказу от представительной политической системы. Другими словами, существующие институты политического представительства и манифестации своего недовольства остаются конвенциональными (приемлемыми для граждан) средствами политического оспаривания.

Под воздействием внешних факторов С. Пинкер (2021) наблюдает общую мировоззренческую тенденцию к снижению насилия во всех сторонах жизни: «Жестокость идет на убыль одновременно со снижением терпимости к насилию и к его воспеванию, и часто именно смена мировоззрения становится ведущей силой изменений». Революционно-насильственный способ преобразования общества и изменения власти, характерный для XIX–XX вв., в наши дни перестает быть популярным. По данным исследователей, во второй половине XX в. — в сравнении с первой его половиной — влияние революций как способа продвижения мирового исторического процесса (т.е. в мир-системе как целом, а не в каждом отдельном обществе) начало снижаться. «Это стало позитивным трендом, так как в результате развитие мира пошло менее драматично и с меньшими жертвами, цели прогресса стали достигаться с использованием менее разрушительных средств» (Гринин, Гринин, 2020). Данное наблюдение подтверждает исследователь третьей волны демократизации С. Хантингтон (2003): в последней четверти XX в. переговоры, компромиссы и соглашения стали доминантной стратегией политической контрэлиты, реализующей демократические преобразования. В то же время специалисты фиксируют рост числа революций в XXI в. (Голдстоун, Гринин, Коротаяев, 2022), распространение войн между негосударственными организациями (Кревельд, 2005), сохранение угрозы применения военного и гибридного насилия в международных отношениях, проявления «новых войн» (Мюнклер, 2018). Кроме того, есть признаки готовности политической элиты неконкурентных режимов применять насилие в подавлении политических протестов в начале XXI в. (протесты в Сирии и Египте в 2011 г., в Беларуси в 2020 г.).

Таким образом, стабильное социально-экономическое существование большинства стран привело к развитию и укреплению эмансипативных ценностей, важности самоактуализации простых граждан. Граждане требуют большей вовлеченности в процессы принятия решений, большего уважения к себе со стороны власти. Своё недовольство граждане, как правило, выражают конвенциональ-

ными ненасильственными средствами: путем публичного оспаривания властных решений, организацией протестных акций.

Фактор политического режима

Политический режим отражает динамические характеристики политического процесса, фиксирует реальное функционирование политических институтов. Демократический режим, в понимании

Х. Линца, предполагает «законное право формулировать и отстаивать политические альтернативы, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личности; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом; включение в демократический процесс всех эффективных политических институтов; обеспечение условия политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений. Практически это означает право создавать политические партии и регулярно проводить свободные и честные выборы, не лишая какой-либо политический институт прямо или косвенно электоральной значимости (Линц, 1993). В понятие режима включают как институциональные, так и неинституциональные практики политического взаимодействия: «...совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих каналы доступа к властным позициям и формирующих модели осуществления государственного управления» (Шкель, 2013). Таким образом, субстанциональным публичным институтом в современных политических системах являются выборы.

В соответствии с институциональной традицией Р. Даля (2010) политические режимы различаются между собой по тому, какая часть населения участвует в контроле и оспаривании действий правительства, какие возможности есть для организации институциональной оппозиции. Другими словами, степень участия граждан и политической оппозиции в системе публичного оспаривания и протеста становится базисным аспектом процесса демократизации и одновременно индикатором типа политического режима. Важнейшим аспектом демократии (полиархии), в трактовке Р. Даля (2010), является существование оппозиции, состязательности между правительством и оппонентами, что заставляет правительство непрерывно реагировать на предпочтения своих граждан. Оценка состояния публичного оспаривания позволяет судить о типе политического режима, доминировании демократических или авторитарных признаков.

В авторитарных режимах у гражданских структур существует меньше возможностей для критики власти, меньше точек блокирования решений верхов, в руках которых концентрируется власть и полномочия (Соловьев, 2019). Более того, в отношении каналов доступа к властным позициям автократы создают совокупность формальных и неформальных правил, согласно которым конкурентные выборы либо отсутствуют, либо не являются ключевым механизмом ротации элит (Шкель, 2013). Современным типом авторитарного режима является его гибридная форма, сочетающая декоративные демократические институты (выборы, оппозиция) с имитацией публичного оспаривания, невниманием к протесту и несменяемостью власти (Шульман, 2018)¹.

¹ Внесена в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

Одна из вариаций гибридного режима получила в работах С. Левитски и Л. Вэй (2010) название «конкурентный авторитаризм». Последний обладает рядом демократических институтов, реализует некоторые демократические практики, однако остается авторитарным, так как инкумбент злоупотребляет своими должностными преимуществами в ходе выборов, что делает этот ключевой демократический институт несправедливым. Действия современных автократов стали более утонченными: например, лидеры современных Венгрии и Польши не демонстрируют публично и масштабного попраения либеральных ценностей, не подавляют и не арестовывают своих оппонентов. Однако они провели своих сторонников в центральные судебные органы, национальную избирательную комиссию и на ключевые руководящие посты основных СМИ. В результате избирательное законодательство было трансформировано в интересах инкумбента, а формат публичной политики все больше стал приобретать свойства имитации, «управляемого представительства» (Levitsky, Way, 2020). При наличии экономических возможностей диктаторы стремятся к подкупу институционализированной партийно-парламентской оппозиции путем предоставления им материальных и организационных преференций. Напротив, неинституционализированная оппозиция проявляет большую принципиальность и не становится объектом преференций со стороны власти (Conrad, 2011).

Гибридный режим представляет собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полуоткрытости, полусоревновательности, полурепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Вследствие этого институционального противоречия гибридные режимы наименее стабильны и несут в себе самые высокие риски режимных изменений. Автократы всегда оказываются перед лицом многочисленных угроз со стороны правящей элиты (расколы и мятежи), оппозиции (сопротивление) и общества (восстания, беспорядки и революции) (Харитоновна, 2022).

Рассматривая оспаривание в рамках своей концепции конфликтной политики Ч. Тилли (2008), напротив, не видит связей между сменой режима и политикой оспаривания. Как указывает американский политолог, «...у нас нет никакого общепринятого и опытно доказанного объяснения того, как преобладающие формы народной борьбы варьируются и меняются от режима к режиму, а также откуда берутся такие вариации и изменения... у нас нет никакой общепринятой карты различий в формах и динамике политики оспаривания, которые имеют место при различных типах режимов правления» (Тилли, 2008).

Таким образом, среди политологов сохраняется консенсус относительно стабильности демократических режимов и большей уязвимости авторитарных и гибридных режимов перед массовыми протестами и государственными переворотами.

Взаимосвязь политических протестов и государственных переворотов

В настоящее время происходит технологическое сближение механизма политического протеста и государственного переворота. Современные формы смены режимов приобретают гибридный характер, что находит отражение в концепциях революционного переворота или цветной революции. Д. Джонсон и К. Тайн

изучили взаимосвязь протестов и переворотов. Они полагают, что протесты повышают риск государственного переворота, особенно если протесты проходят в столице и носят ненасильственный характер (Johnson, Thyne, 2018).

Для оценки взаимосвязи протестов и государственных переворотов использовалась база данных государственных переворотов (The Coup Agency and Mechanisms Data (CAM)². Выборка включает 81 попытку государственного переворота, которые произошли в XXI в. Они были верифицированы и дополнены в соответствии с признаками переворота, описанными в статье. Систематизация сведений осуществлялась по шести критериям: страна, дата, наличие/отсутствие мобилизации противников режима, наличие/отсутствие мобилизации сторонников режима, акторы переворота. К акторам относились гражданская оппозиция (протестующие и их лидеры), военные, боевики (вооруженные незаконные формирования). Возможные ограничения анализа могут быть связаны с неполнотой сведений о попытках переворотов и протестах, трудностями определения акторов. Грань между военными и боевиками или боевиками и гражданской оппозицией может быть нечеткой. Возможно наличие латентных игроков.

Можно обратить внимание, что в XXI в. основным актором переворотов по-прежнему выступают военные. Они организовали 54 попытки из 81. 25 из них увенчались успехом (показатель успешности — 46,3%). Гражданская оппозиция явилась инициатором 25 попыток переворота. Можно отметить более высокую успешность гражданских переворотов — 54,1%.

45 попыток переворота из 81 были успешными. 34 попытки сопровождались массовыми политическими протестами противников режима (42% от общего числа). Незначительное количество переворотов привело к последующим протестам сторонников свергнутого режима — 10 попыток из 81 (12,34%). Следовательно, с большей вероятностью протесты приведут к перевороту, чем наоборот. 4 попытки переворота, которые проходили на фоне антиправительственных протестов, привели к мобилизации сторонников режима. 3 из них провалились. 25 попыток переворота из 34, сопровождавшихся массовыми политическими протестами, оказались успешными (показатель успешности 73,5%). Перевороты, которые проходили без массовой протестной мобилизации, отличаются меньшим показателем успешности — 41,7%. Военные организовывали переворот в условиях массового протеста 8 раз из всех 54 военных попыток переворота. 6 из них увенчались успехом, что позволяет сделать вывод о том, что попытка военного переворота на фоне протеста с большей вероятностью увенчается успехом, чем классический военный переворот. Также стоит отметить, что большинство попыток переворотов, которые привели к последующим протестам сторонников режима, были в результате провалены (8 из 10). Это позволяет сделать вывод об эффективности массового политического протеста как инструмента противодействия перевороту.

Анализ взаимосвязи между государственными переворотами и политическими протестами позволяет выделить четыре сценария государственных переворотов по данному критерию. Первый — отсутствие мобилизации сторонников и противников режима. Это классический переворот, характерный для XX в. Второй — мобилизация противников режима, отсутствие мобилизации сторонников

² The Coup Agency and Mechanisms Data (CAM).

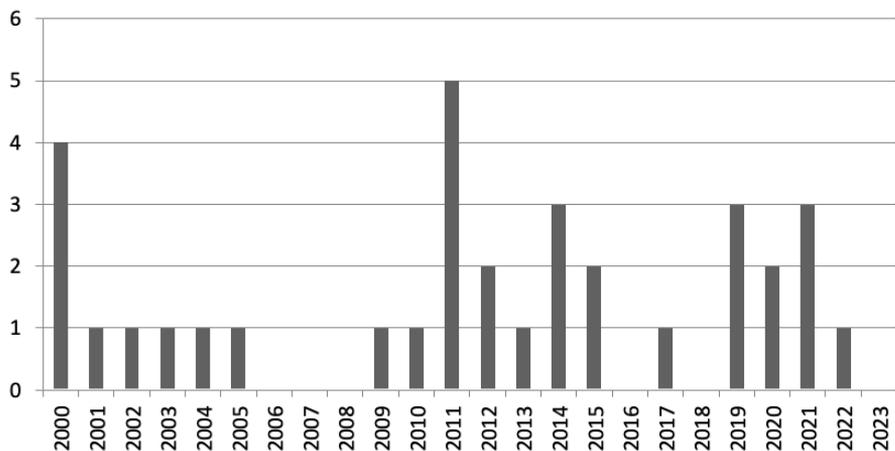

Рис. 1. Попытки гибридных переворотов в XXI в.

Fig. 1. Attempted Hybrid Coups in the 21st Century

режима. Это гибридный государственный переворот, обладающий наиболее высокой вероятностью успеха. Выделяются гибридные революционные и военные перевороты в зависимости от актора (военные или гражданская оппозиция). Третий — отсутствие мобилизации противников режима и мобилизация сторонников режима. Это модель блокирования переворота путем массовой мобилизации (протеста против переворота), которая с высокой долей вероятности приведет его к провалу. Четвертый — мобилизация и сторонников, и противников режима. Это модель переворота — гражданского противостояния. Эмпирический материал свидетельствует о высокой вероятности провала такого переворота.

Можно выделить особенности взаимосвязи протестов и переворотов. На диаграмме мы можем увидеть три пика количества попыток гибридных переворотов: первая половина 2000-х гг., первая половина 2010-х гг. и 2019–2022 гг. Данная тенденция связана с волновой революционной активностью масс XXI в.: первая волна — цветные революции 2000–2009 гг.; вторая волна — «Арабская весна» и ее мировые следствия; третья волна — с 2018 г., незавершенная. В качестве предпосылок данного феномена исследователи называют тенденции развития мировой экономики (подъем в начале 2000-х гг. и мировой экономической кризис в 2010-х гг.), демократизацию, дестабилизацию мир-системы в ответ на внешнее давление (Голдстоун, Гринин, Коротаев, 2022) (рис. 1).

Следующая тенденция — медленное падение показателя успешности гибридных переворотов. Третий пик (2019–2022 гг.) показал уменьшение количества успешных переворотов на фоне массового политического протеста. Это не означает, что технология не работает. Протест по-прежнему остается фактором риска переворота. Элиты применяют различные технологии противодействия: мобилизация сторонников режима (Турция, 2016 г.; Белоруссия, 2020 г.), поддержка иностранных акторов (Казахстан, 2022 г.), что снижает эффективность гибридного переворота как инструмента смены режима. В данном контексте можно предположить, что в 2020-х гг. нас ожидает трансформация технологий гибридных переворотов (рис. 2).

Рис. 2. Успешность гибридных переворотов в XXI в.

Fig.2. Successful hybrid coups in the 21st century

Нами проанализированы факторы взаимосвязи политического протеста и государственного переворота. Мы установили наличие корреляционной связи между протестами и попытками государственных переворотов. Это позволяет обосновать гипотезу гибридного переворота — технологии государственных переворотов (военных или гражданских), которые включают массовое неконвенциональное политическое действие населения. Также существует обратная взаимосвязь — попытка переворота может привести к политическому протесту, который с большой долей вероятности станет причиной её провала.

Выводы

Общемировой тенденцией становится стремление простых граждан к большей политической свободе, к активному участию в процессах принятия решений, возрастанию требований к власти уважать чувство достоинства и идентичности самых разных групп. Однако сохраняется риск завершения этого тренда: в условиях обострения геополитических противоречий, открытого конфликта стран коллективного Запада с Россией ожидается обратное возрастание значимости ценности безопасности, снижение критичности и требовательности граждан в отношении своих правительств.

Фактор политического режима сохраняет свою значимость при выборе стратегии и тактики политического взаимодействия. Усиливающееся разочарование в качестве демократических институтов, растущая популярность практик прямого коллективного действия не лишает демократические политические режимы традиционной устойчивости. Массовые протесты не провоцируют в демократиях государственные перевороты. Напротив, авторитарные и гибридные политические режимы сохраняют большую уязвимость перед классическими и гибридными переворотами.

Сопоставление информации о фактах государственных переворотов позволяет сделать вывод о включении в технологический пакет классического переворота массовой протестной мобилизации. Демобилизация сторонников действующего режима увеличивает шансы успешного государственного переворота.

Библиографический список

- Банкович, М. (2008). Государственный переворот, путч, протест: теоретический анализ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология*, 2, 3–12.
- Вельцель, К. (2018). *Рождение свободы*. Москва: АО «ВЦИОМ».
- Глухова, А. В. (2010). *Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ)*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Голдстоун, Д. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (2022). Волны революций XXI столетия. *Политические исследования*, 4, 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09
- Соловьев, А. И. (ред.). (2018). *Гражданский сектор государственного управления*. Москва: АРГАМАК-МЕДИА.
- Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. (2020). Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Политические исследования*, 5, 130–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.10
- Даль, Р. (2010). *Полиархия: участие и оппозиция*. Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.
- Инглхарт, Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Москва: Мысль.
- Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. Москва: Новое издательство.
- Карпович, О. Г., Манойло, А. В. (2017). *Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Кастельс, М. (2020). *Власть коммуникации*. Москва: Высшая школа экономики.
- Коэн, Д., Арато, Э. (2003). *Гражданское общество и политическая теория*. Москва: Весь Мир.
- Кревельд, М. (2005). *Трансформация войны*. Москва: Альпина Бизнес Букс.
- Линц, Х. (1993). Крушение демократических режимов. *Кризис, разрушение и восстановление равновесия. Проблемы Восточной Европы*, 39–40.
- Патрушев, С. В. (ред.). (2016). *Массовая политика: институциональные основания*. Москва: Политическая энциклопедия.
- Мюнклер, Г. (2018). *Осколки войны: Эволюция насилия в XX–XXI веках*. Москва: Кучково поле.
- Очкина, А. (2016). Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 4, 69–75.
- Перевозчиков, В. (2018). *Анатомия публичного переворота: политтехнический трактат*. Москва: Экспертная группа «Первый Советник».
- Пинкер, С. (2021). *Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше*. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Поздняков, С. В. (2002). *Политический протест* (Автореферат кандидатской диссертации). Ростов-на-Дону.
- Рейбрук, Д. В. (2013). *Против выборов*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Сабитов, М. Р. (2013). *Современные детерминанты массовой протестной активности в России* (Автореферат кандидатской диссертации). Саратов.
- Савенков, Р. В. (2021). *Публичное оспаривание: от дискурса к политической оппозиции*. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета.
- Соколов, А. В. (2019). Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 2, 45–59. DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59
- Соловьев, А. И. (2018). Государство и общество: новые грани исторического конфликта. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 4, 6–24. DOI: 10.31429/26190567-19-4-6-24

- Соловьев, А. И. (2019). *Принятие и исполнение государственных решений*. Москва: Издательство Аспект Пресс.
- Тилли, Ч. (2010). *Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.* Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.
- Тилли, Ч. (2008). Режимы и оспаривание. *Логос*, 6, 93–120.
- Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблишер.
- Хантингтон, С. (2004). *Политический порядок в меняющихся обществах*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Хантингтон, С. (2003). *Третья волна. Демократизация в конце XX-го века*. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Харитоновна, О. Г. (2022). Типологии политических режимов в борьбе за смыслы арабской режимной динамики. *Южно-российский журнал социальных наук*, 23(3), 48–66. DOI: 10.31429/26190567-23-3-48-66
- Цветкова, Н. А. (2019). Дискурс «цветных революций». *Постсоветские исследования*, 2(2), 940–950.
- Шкель, С. (2013). *Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе*. Уфа: Гилем, Башк. энцикл.
- Шульман, Е. (2018). *Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью*. Москва: АСТ.
- Bloom, J. M. (2014). Political Opportunity Structure, Contentious Social Movements, and State-Based Organizations: The Fight against Solidarity inside the Polish United Workers Party. *Social Science History*, 38, 359–388.
- Clayton L., Powell J. (2019). Coup Research. Oxford Research Encyclopedia of International Studies. Retrieved from <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-369>
- Conrad, R. (2011) Constrained Concessions: Beneficent Dictatorial Responses to the Domestic Political Opposition. *International Studies Quarterly*, 55(4), 1167–1187.
- Johnson, J., Thyne, C. L. (2018). Squeaky Wheels and Troop Loyalty: How Domestic Protests Influence Coups d'état, 1952–2005. *Journal of Conflict Resolution*, 62(3), 597–625. DOI: 10.1177/0022002716654742
- Levitsky, S., Way, L. (2010). *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge University Press.
- Levitsky, S., Way, L. (January 2020). The New Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 31(1), 51–65.
- Levitsky, S., Ziblatt, D. (2018). *How Democracies Die*. New York: Crown Publishing.
- McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, C. (2001). *Dynamics of Contention*. Cambridge University Press.
- McFaul, M. (July 2005). Transitions from Postcommunism. *Journal of Democracy*, 16(3), 5–19. DOI: 10.1353/jod.2005.0049
- Powell, J. M., Thyne, C.N. (2011). Global Instances of Coups from 1950 to 2009: A new dataset. *Journal of Peace Reseach*. 42(2), 249–259. DOI: 10.1177/0022343310397436
- Sharp, G., Jenkins, B. (2015). *The Anti-coup*. Boston: The Albert Einstein Institution.
- Tilly, Ch., Tarrow, S. (2015). *Contentious Politics*. Oxford University Press, Second Edition.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023
Статья принята к публикации 26.06.2023

Для цитирования: Савенков Р. В., Шушлебин А. И. Политические протесты и попытки государственных переворотов: есть ли взаимосвязь? 2023. Т. 24. № 2. С. 122–137.

POLITICAL PROTESTS AND COUP ATTEMPTS: IS THERE A CORRELATION?

R. V. Savenkov, A. I. Shushlebin

Roman V. Savenkov

E-mail: rvsaven@gmail.com. ORCID 0000-0002-1643-2444

Andrey I. Shushlebin

E-mail: duck2000@mail.ru. ORCID 0009-0008-5488-6878

Voronezh State University, University pl. 1, Voronezh, 394006, Russia

Abstract. The article focuses on exploring different patterns of conflicting interaction between actors in the political struggle. The main objective is to distinguish conceptually between the terms “public contestation”, “political protest”, and “coup” while exploring a possible correlation among these occurrences, utilizing easily accessible statistical information. The paper argues that the use of technological tools in current public policy by certain political systems hinders the implementation of traditional criteria for identifying a coup d'état. The significance of self-expression values and the population's desire to participate in political decision-making has been reaffirmed, which becomes a contributing factor towards enhancing citizen participation in politics. Under such circumstances, a coup can no longer be seen as merely a tool for competing elite factions and may instead become public in the context of massive political action. The term “hybrid coup” has been used to refer to attempted coups d'état combined with protest actions. Empirical data has been analyzed to test whether there is a relationship between political protests and coup attempts. The analysis reveals a noteworthy correlation between these phenomena. Hybrid coups have a higher success rate than classical elitist coups. Protest mobilization is frequently incorporated into the technological arsenal of a contemporary coup d'état. In this scenario, mass political action by supporters of the regime increases its chances of survival in the face of a hybrid coup attempt. The political regime's nature is a crucial determinant of coup vulnerability. Both authoritarian and hybrid regimes are susceptible to classic and hybrid coups.

Keywords: coup d'état, political contestation, protest, political conflicts, color revolutions.

DOI 10.31429/26190567-24-2-122-137

References

- Bankovich, M. (2008). Gosudarstvennyy perezvorot, putch, pronunsiamento: teoreticheskiy analiz [Coup d'état, Putsch, Pronunciamento: Theoretical Analysis]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya* [Proceedings of the Voronezh State University. Series: History, Political Science, Sociology], 2, 3–12.
- Bloom, J. M. (2014). Political Opportunity Structure, Contentious Social Movements, and State-Based Organizations: The Fight against Solidarity inside the Polish United Workers Party. *Social Science History*, 38, 359–388.
- Clayton L., Powell J. (2019). Coup Research. Oxford Research Encyclopedia of International Studies. Retrieved from <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-369>
- Conrad, R. (2011). Constrained Concessions: Beneficent Dictatorial Responses to the Domestic Political Opposition. *International Studies Quarterly*, 55(4), 1167–1187.
- Dal', R. (2010). *Poliarkhiya: uchastiye i oppozitsiya* [Polyarchy: Participation and Opposition]. Moskva: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshey shkoly ekonomiki.
- Fukuyama, F. (2019). *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The Quest for Recognition and the Politics of Rejection]. Moskva: Al'pina Publisher.
- Glukhova, A.V. (2010). *Politicheskiye konflikty: osnovaniya, tipologiya, dinamika (teoretiko-metodologicheskii analiz)* [Political Conflicts: Grounds, Typology, Dynamics (Theoretical and Methodological Analysis)]. Moskva: Knizhnyy dom “LIBROKOM”.

- Goldstoun, D. A., Grinin, L. E., Korotaev, A. V. (2022). Volny revolyutsiy XXI stoletiya [Waves of Revolutions in the 21st Century]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 4, 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09
- Grinin, L. E., Grinin, A. L. (2020). Revolyutsii XX veka: teoreticheskiy i kolichestvennyy analiz [Waves of Revolutions of the XXI Century]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 130–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.10
- Hantington, S. (2003). Tret'ya volna. Demokratizatsiya v konce 20-go veka [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moskva: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN).
- Hantington, S. (2004). *Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvah* [Political Order in Changing Societies]. Moskva: Progress-Traditsiya.
- Inglhart, R. (2018). *Kul'turnaya evolyuciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World]. Moskva: Mysl'.
- Inglhart, R., Vel'cel', K. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Sequence of Human Development]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Johnson, J., Thyne, C. L. (2018). Squeaky Wheels and Troop Loyalty: How Domestic Protests Influence Coups D'état, 1952–2005. *Journal of Conflict Resolution*, 62(3), 597–625. DOI: 10.1177/0022002716654742
- Karpovich, O. G., Manoylo, A. V. (2017). *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov* [Color revolutions. Theory and Practice of Dismantling Modern Political Regimes]. Moskva: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
- Kastel's, M. (2020). *Vlast' kommunikacii* [The Power of Communication]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Kharitonova, O. G. (2022). Tipologii politicheskikh rezhimov v bor'be za smysly arabskoy rezhimnoy dinamiki [Typologies of Political Regimes in the Struggle for Meanings Within Arab Regime Dynamics]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Science], 23(3), 48–66. DOI: 10.31429/26190567-23-3-48-66
- Koen, D., Arato, E. (2003). *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moskva: Ves' Mir.
- Krevel'd, M. (2005). *Transformatsiya vojny* [Transformation of War]. Moskva: Al'pina Biznes Buks.
- Levitsky, S., Way, L. (2010). *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge University Press.
- Levitsky, S., Way, L. (January 2020). The New Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 31(1), 51–65.
- Levitsky, S., Ziblatt, D. (2018). *How Democracies Die*. New York: Crown Publishing.
- Linc, H. (1993). Krusheniye demokraticeskikh rezhimov. *Krizis, razrusheniye i vosstanovleniye ravnovesiya* [The Collapse of Democratic Regimes. Crisis, destruction and rebalancing]. *Problemy Vostochnoy Yevropy* [Problems of Eastern Europe], 39–40.
- McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, C. (2001). *Dynamics of Contention*. Cambridge University Press.
- McFaul, M. (July 2005). Transitions from Postcommunism. *Journal of Democracy*, 16(3), 5–19. DOI: 10.1353/jod.2005.0049
- Myunkler, G. (2018). *Oskolki vojny: Evolyuciya nasiliya v XX–XXI vekah* [Fragments of War: The Evolution of violence in the XX–XXI centuries.]. Moskva: Kuchkovo pole.
- Ochkina, A. (2016). Sotsial'nyy protest v sovremennoy Rossii: faktory i tendentsii razvitiya [Social Protest in Modern Russia: factors and Trends of Development]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Economics and Management: Scientific and Practical Journal], 4, 69–75.
- Patrushev, S. V. (Ed.). (2016). *Massovaya politika: institucional'nye osnovaniya* [Mass Politics: Institutional Foundations]. Moskva: Politicheskaya enciklopediya.

- Perevozchikov, V. (2018). *Anatomiya publichnogo perevorota: polittekhicheskiy traktat* [Anatomy of a Public Coup: A Polytechnic Treatise]. Moskva: Ekspertnaya gruppa "Pervyy Sovetnik".
- Pinker, S. (2021). *Luchshee v nas. Pochemu nasiliya v mire stalo men'she* [The Best in Us. Why There is Less Violence in the World]. Moskva: Al'pina non-fikshn.
- Powell, J. M., Thyne, C. N. (2011). Global Instances of Coups from 1950 to 2009: A new dataset. *Journal of Peace Reseach*. 42(2), 249–259. DOI: 10.1177/0022343310397436
- Pozdnyakov, S. V. (2002). *Politicheskiy protest* [Political protest] (Candidate Dissertation). Rostov-na-Donu.
- Rejbruk, D. V. (2013). *Protiv vyborov* [Against Elections]. Moskva: Ad Marginem Press.
- Sabitov, M. R. (2013). *Sovremennye determinanty massovoy protestnoy aktivnosti v Rossii* [Modern Determinants of Mass Protest Activity in Russia] (Abstract of Candidate's Dissertation). Saratov.
- Savenkov, R. V. (2021). *Publichnoe osparivanie: ot diskursa k politicheskoy oppozitsii* [Public Contestation: From Discourse to Political Opposition]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosuniversiteta.
- Sharp, G., Jenkins, B. (2015). *The Anti-coup*. Boston: The Albert Einstein Institution.
- Shkel', S. (2013). *Postsovetskiy avtoritarizm v sravnitel'noy perspective* [Post-Soviet Authoritarianism in a Comparative Perspective]. Ufa: Gilem, Bashk. entsikl.
- Shul'man, E. (2018). *Prakticheskaya politologiya. Posobie po kontaktu s real'nost'yu* [Practical Political Science. A Guide to Contact with Reality]. Moskva: AST.
- Sokolov, A. V. (2019). Kollektivnyye deystviya v sovremennoy Rossii: osobennosti organizatsii i reaktsiya vlasti [Characteristic Features of Collective Actions Movement in Modern Russia and the Authorities' Reaction to Their Activity]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 20(2), 45–59. DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59
- Solov'ev, A. I. (2018). Gosudarstvo i obshchestvo: novyye grani istoricheskogo konflikta [State and Society: New Facets of Historical Conflict]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 19(4), 6–24. DOI: 10.31429/26190567-19-4-6-24
- Solov'ev, A. I. (2019). *Prinyatie i ispolnenie gosudarstvennykh resheniy* [Adoption and Execution of State Decisions]. Moskva: Izdatel'stvo Aspekt Press.
- Solov'ev, A. I. (Ed.). (2018). *Grazhdanskiy sektor gosudarstvennogo upravleniya* [Civil Sector of Public Administration]. Moskva: ARGAMAK-MEDIA.
- Tilli, Ch. (2008). Rezhimy i osparivanie [Regimes and Contention]. *Logos*, 6, 93–120.
- Tilly, Ch. (2010). *Bor'ba i demokratiya v Evrope, 1650–2000* [Contention and Democracy in Europe, 1650–2000]. Moskva: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshey shkoly ekonomiki.
- Tilly, Ch., Tarrow, S. (2015). *Contentious Politics*. Oxford University Press, Second Edition.
- Tsvetkova, N. A. (2019). Diskurs "tsvetnykh revolyutsiy" [Discourse of "Color Revolutions"]. *Postsovetskiye issledovaniya* [Political Studies], 2(2), 940–950.
- Vel'cel', K. (2018). *Rozhdenie svobody* [The Birth of Freedom]. Moskva: AO "VCIOM".

Received 15.05.2023

Accepted 26.06.2023

For citation: Savenkov R. V., Shushlebin A. I. Political Protests and Coup Attempts: Is There a Correlation? — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 122–137.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).